

Ф.Ф. Вигель

**Воспоминания Ф.Ф. Вигеля.
Часть 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф11

Ф11 **Ф.Ф. Вигель**
Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Часть 2 / Ф.Ф. Вигель – М.: Книга по Требованию,
2017. – 242 с.

ISBN 978-5-518-06244-3

ISBN 978-5-518-06244-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

статки, и имя государственнаго человѣка принадлежало ему, когда еще ничѣмъ онъ его не заслужилъ.

Другой участникъ въ важномъ предпріятіи былъ тайный, непримиримый врагъ Россіи, слишкомъ извѣстный потомъ, измѣнникъ Чарторыйскій. Изступленнымъ патріотизмомъ его мать заслужила отъ Поляковъ названіе *матки ойчизны*: въ объятіяхъ этой матки, польской Юдицы, русскій Олофернъ нашъ, князь Репнинъ, не потерялъ, однакоже, головы, и ойчизну ея, когда былъ посломъ въ Варшавѣ, заставлялъ трепетать передъ собою. Князь Адамъ былъ плодомъ всѣмъ извѣстнаго сего чудовищнаго союза: съ малолѣтства налитанный чувствами жесточайшей ненависти къ истинному своему отечеству, онъ посвященъ былъ его же служенію. Нѣсколько времени находился онъ адъютантомъ при Александрѣ Павловичѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола...

При его воцареніи вызванъ онъ былъ изъ Рима, гдѣ находился посланникомъ нашимъ при сардинскомъ королѣ, который, лишившись Пиемонта, не очень спѣшилъ отправиться въ Сардинію. Чтобы сойтись съ другими любимцами царя, надобно было ему притвориться англоманомъ, что ему не большаго стоило. Кромѣ зла, не могъ онъ желать Россіи, и участіе его въ замышляемомъ ея преобразованіи по крайней мѣрѣ показываетъ въ немъ много ума.

Третій участникъ былъ двадцатидевятилѣтній Павелъ Строгоновъ, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича, извѣстнаго покровителя художествъ и музъ.

.....
Весьма еще не старій морякъ Чичаговъ былъ тогда уже контръ-адмираломъ; онъ симъ обязанъ былъ не собственнымъ заслугамъ, а славѣ отца, одержавшаго надъ Шведами знаменитую морскую побѣду.

Онъ такъ же въ душѣ былъ Англичанинъ, въ Англіи учился мореплаванію и женатъ былъ на Англичанкѣ.

Всѣхъ старѣе лѣтами и конечно всѣхъ выше умомъ былъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ.

Во время пребыванія за границей Англія совершенно обворожила его.

Отчизну портгера и зля, гдѣ не родится, а льется мадера и портвейнъ, гдѣ опрятность и роскошь у самыхъ грубыхъ наслажденій, отнимаютъ

все, что есть в них отвратительного, сию землю в тайне сердца избрал он своим отечеством. Он числился в армии подполковником и оставил службу вслѣдъ за смертію Екатерины: при Александрѣ, который прежде его зналъ, сдѣланъ онъ былъ тотчас камергеромъ и етатсъ-секретаремъ. Молодой царь видѣлъ въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга, паче всѣхъ другихъ полюбилъ его и помѣстилъ у себя во дворцѣ. Его друзья держались имъ болѣе всего и чрезъ его посредство только могли дѣйствовать на государя.

Со времяя Петра Великаго, судьба велитъ Россіи покорствовать которому - нибудь изъ государствъ или народовъ европейскихъ и поклоняться ему какъ идолу. Чтобъ угодить Петру, надобно было сдѣлаться Голландцемъ; Германія владычествовала надъ нами при Аннѣ Ивановнѣ и Биронѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ появился Лашетарди и начались соблазны Франціи; они умножились и усилились страстію Екатерины Второй къ французской литературѣ и дружбою ея съ философами восемнадцатаго вѣка. Петръ III хотѣлъ сдѣлать насъ Пруссаками; въ первые годы Александрова царствования, Англія была нашею патроншей.

Изъ-за пентархіи, мною описанной, какъ будто скрывается, выглядывалъ Сперанскій. Сіе имя въ первый разъ еще является въ сихъ запискахъ. Человѣкъ сей быстро возникъ изъ ничтожества: сынъ сельскаго священника, возростій подъ свѣтію олтарей, онъ воспитывался сперва во Владимірской семинаріи и учился потомъ въ Александроневской духовной академіи .

Случайно онъ опять перенесенъ на сцену мірской жизни.

Меньшой братъ князя Куракина, Алексѣй Борисовичъ, хотѣлъ единственнаго сына своего воспитаніемъ приготовить къ занятію со временемъ одного изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ и для того просилъ митрополита Гавріила выбрать ему наставника изъ студентовъ или магистровъ духовной академіи: онъ прислалъ ему двухъ, изъ коихъ предпочтенъ Сперанскій *. Въ сей новой сферѣ угождалъ онъ отцу, вра-

---

* Оба брата Куракины любили показывать пышность. За двумя сту-

вился матери, баловалъ сына и очищалъ себѣ дорогу къ будущимъ успѣхамъ. Онъ причисленъ къ экспедиціи казначейства, коею управлялъ князь Куракинъ; когда же сей послѣдній при Павлѣ сдѣланъ генераль-прокуроромъ и пробылъ имъ два года, то можно себѣ представить, какъ побѣждалъ онъ по ступенямъ почестей. При трехъ преемникахъ Куракина, князѣ Лопухинѣ, Беклецовѣ и Обольяниновѣ былъ онъ также дѣятельно употребленъ и награжденъ, но не имѣлъ главнаго вліянія на дѣла.

Фортуны его сдѣлалъ графъ Паленъ. Находясь въ канцеляріи генераль-прокурорской, онъ въ то же время былъ правителемъ канцеляріи какой-то комиссіи, о снабженіи резиденціи припасами, коей Паленъ былъ президентомъ, по званію военнаго губернатора. Имъ былъ онъ представленъ молодому императору, который сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ.

Сперанскій предложилъ искусное перо свое пяти молодымъ преобразователямъ, и принимая видъ какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно, одинъ составлялъ проектъ учрежденія министерствъ. Тутъ увидѣлъ онъ всю пустоту претензій людей, почитавшихъ себя государственными.

Опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей онъ презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи на гражданскомъ поприщѣ равныхъ себѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ приучился ставить себя выше всѣхъ.

Въ высокихъ, блестящихъ качествахъ ума, ликто, даже его враги, ему никогда не отказывали. Онъ могъ бы оказать чрезвычайныя услуги государству и пользоваться чистою славой. Онъ былъ еще молодъ, спѣшилъ блеснуть и въ торопяхъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ списать точь-въ-точь учрежденіе министерствъ, коимъ французская директорія надѣялась побольше людей привязать къ своему существованію, со всѣмъ преувеличеннымъ его содержаніемъ, со

дентами послана была цугомъ великолѣпная четверомѣстная карета съ гербами и ливрейными лакеями: неопытный въ дѣлахъ свѣта Сперанскій, говорятъ, до того изумился, что бросился становиться на запятки и рѣшился съѣсть въ нее, поспѣвая только притѣру своего товарища, болѣе смѣлаго.

всѣмъ излишествомъ должностей. Въ немъ признали творца, точно также какъ предки наши, не знавшіе Корнеля и Расина, дивились изобрѣтательности Сумарокова и Княжнина. . . . .

Хотя онъ (пусть простятъ мнѣ сіе простонародное выраженіе) и корчилъ иностранца, но въ немъ замѣтна была отличительная черта истинно-русскаго человѣка: онъ не зналъ мести, не умѣлъ ненавидѣть, но за то никто изъ его соотечественниковъ, даже самъ Потемкинъ, такъ глубоко не умѣлъ все презирать, съ тою только разницей, что онъ умѣлъ дѣлать сіе не примѣтно. Я полагаю, что это происходило отъ совершеннаго равнодушія ко всему, кромѣ самого себя и своихъ твореній. . . . .

Когда показался онъ на нашемъ горизонтѣ, никто его не полюбилъ, всѣ любили, ласкали его, дивились ему, даже гордились имъ, для всѣхъ былъ онъ надежа - Сперанскій. Только въ послѣдствіи, когда воспарилъ онъ гораздо выше, и заключился въ самомъ тѣсномъ кругу, когда онъ окружилъ себя какою-то таинственною, непроницаемою атмосферой, тогда только открылось поле для догадокъ и невыгодныхъ объ немъ толковъ.

Онъ имѣлъ лицо весьма пріятное и бѣлизну молочнаго цвѣта; голубые взоры его ни на что не устремляясь, никогда не блуждали, никогда не потуплялись, но медленно поворачиваясь въ сторону, какъ будто избѣгали встрѣчи съ другими взорами; голосъ его былъ тихъ и нѣсколько протяженъ, улыбка принужденно ласковая. Въ одѣвніи, въ образѣ жизни старался онъ прилаживаться къ господствовавшему вкусу: къ счастью его, былъ онъ женатъ на дѣвицѣ Стивенсъ, дочери бывшей англійской гувернантки въ домѣ графини Шуваловой; онъ ея лишился, но сохранилъ много изъ привычекъ ея земли. Напримѣръ, тогда уже завтракалъ онъ въ одиннадцать часовъ, и завтракъ его состоялъ изъ крѣпкаго чая, хлѣба съ масломъ, тонкихъ ломтей встчины и вареныхъ яицъ. Онъ не зналъ по-англійски; умѣлъ однакоже говорить маленькой дочери своей *my dear, my pretty child, my sweet girl*. Лѣтомъ думалъ онъ ѣздить верхомъ, едва держась на клычѣ съ отрубленнымъ хвостомъ. Вотъ единственно смѣшная его сторона, которую неохотно я представилъ; мнѣ не хотѣлось бы ничего въ немъ видѣть

смѣшнаго, а одно удивляющее, ужасающее. Впрочемъ, можетъ-быть, и это было притворство, а не претензія.

.....

Не возможно было вдругъ разрушить старое, вѣковое зданіе; надобно было напередъ вывести новыя стѣны. Три министерства, иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, дѣйствительно, всегда существовали подъ названіемъ государственныхъ коллегій: съ другими коллегіями ихъ смѣшивать не должно. Президенты трехъ коллегій были фельд-маршальскаго чина и ходили прямо съ докладомъ къ царю: члены же ихъ, иногда втораго класса, никогда менѣ четвертаго, управляли экспедиціями (нынѣшними департаментами), на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія коллегіи не имѣли ни, одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты, обыкновенно тайные совѣтники, часто и выше, посылали доклады ихъ чрезъ статсъ-секретарей, дѣйствовали, однакоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генераль-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же коллегіи оставаясь пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ.

Слово министерство было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе какъ по одному. Только въ послѣдствіи съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ превратились иныя въ канцеляріи, а подвѣдомственные министрамъ коллегіи образовались въ департаменты. Иные читатели полюбопытствуютъ можетъ-быть знать составъ перваго министерства въ Россіи.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ назначенъ былъ престарѣлый графъ, Александръ Романовичъ Воронцовъ. Послѣдняя должность, которую занималъ онъ при Екатеринѣ, было мѣсто президента коммерцъ-коллегіи. . . . .

Товарищемъ его назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Президенты военной и адмиралтействъ-коллегій, фельд-маршалы, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Иванъ Логиновичъ Голенщевъ-Кутузовъ уволены отъ упрядняе-

мыхъ должностей, а вице-президенты сихъ коллегій, Вязмитиновъ и Мордвиновъ, назначены министрами. Покорность къ преобладающей власти была девизомъ старика Сергѣя Кузьмича. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долговременною безпорочною службой, единственно попалъ онъ наконецъ въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, не согласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка поставленнаго на высшую степень. Ни англійскаго, ни какого другаго иностраннаго, въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго русскаго боярина.

Извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, живымъ воображеніемъ и притязаніями на добродушіе, Николай Семеновичъ Мордвиновъ болѣе нежели когда купѣлъ въ это время проектами. Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Цицерономъ, Катономъ и Сенекой. Политическій сей мечтатель съ превыспренними идеями, съ ложными понятіями о Россіи и ея пользахъ, долженъ былъ естественнымъ образомъ сойтись въ мысляхъ съ молодыми законодателями. Къ тому же и онъ былъ женатъ на Англичанкѣ Кюбле, говорилъ и жилъ совершенно по-англійски. Но не болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ онъ морскимъ министромъ. . . . . и долженъ былъ оставить мѣсто товарищу своему Чичагову.

Державинъ, гений и дитя, поэтъ и пророкъ, какъ Давидъ, видя на тронѣ воспѣтаго имъ при рожденіи порфиророднаго отрока, увлекался сладчайшими мечтами, Все что происходило въ глазахъ его слишкомъ отзывалось поэзіей, чтобъ ему не нравиться, и онъ съ благодарностію принялъ званіе министра юстиціи и все что уцѣлѣло отъ генераль-прокурорской должности. Годъ спустя послѣ учрежденія министерствъ, Новосильцевъ имѣлъ скромность не отвергнуть названія товарища министра юстиціи.

Вышеописанные мною графъ Кочубей и графъ Строгоновъ сдѣлались: первый министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній его товарищемъ.

Столь благосклонный къ отцу моему, графъ Румянцевъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, съ званіемъ министра,

еще до учрежденія министерствъ. Въ новомъ порядкѣ другой переѣмъ для него не послѣдовало, кромѣ умноженія власти и правъ. Съ нимъ началось и прекратилось министерство коммерціи.

Между новыми министрами, наконецъ, встрѣчается лицо, сохранившее физіономію прежнихъ временъ. Необходимость заставила молодежь приобщить графа Васильева къ своимъ предпріятіямъ; а онъ, не въ силахъ будучи остановить потока, рѣшился, по крайней мѣрѣ, пустить огромную ладью свою по его теченію, стараться, сколько возможно, спасти ее отъ бурь. Финансовая наука была не столь трудна и многосложна, какъ нынѣ; однакоже, кромѣ его, некому было часть сію поручить. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и малыхъ чиновъ всегда прилежно занимался ею, и хотя въ званіи государственнаго казначея и подчиненъ былъ генералъ-прокурору, но дѣйствовалъ почти независимо. Въ немъ была вся скромность великихъ, истинныхъ достоинствъ; онъ былъ въ отношеніи къ Мордвинову, какъ мудрецъ къ софисту. Простота его жизни была не притязаніе на оригинальность, не слѣдствіе разчетовъ, а умѣренности желаній и давнишнихъ привычекъ. Будучи происхожденія не знатнаго, едва ли дворянскаго, онъ не ослѣплялся счастіемъ, никогда не забывался среди успѣховъ. Самъ Сперанскій разказывалъ при мнѣ, какъ даже онъ былъ тронутъ патриархальностію, которою все дышало въ его домѣ. . . . .

Человѣкъ, который вѣкогда красотою столько же славился, какъ и умомъ..... который, самъ не зная опасы, видѣлъ множество переѣмъ при дворѣ Екатерины и, безъ всякихъ для себя непріятностей, осторожно и спокойно прошелъ года царствованія Павла, при Александрѣ принимаетъ участіе въ новообразуемомъ министерствѣ. Графъ Завадовскій, украинская умная голова, когда-то любимый секретарь Румянцева-Задунайскаго, всегда умѣлъ пользоваться жизнью и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только зналъ по-латыни, а вѣдь это ученость: кому же приличнѣе его поручить министерство просвѣщенія. Правда, его было весьма мало, но сначала нужно было только извѣстное имя, подъ которымъ Сперанскій брался распространить его. Товарищемъ къ сему министру назначенъ Михайло Никитичъ Муравьевъ, мужъ ученый, кроткій и добросердечный, умный и пріятный пи-

сатель, одинъ изъ наставниковъ императора, къ сожалѣнiю не довольно пылкій и твердый, чтобы содѣлаться однимъ изъ довѣренныхъ его совѣтниковъ. Онъ вездѣ и во всемъ видѣлъ добро и столь же страстно любилъ его, какъ и искренно въ него вѣровалъ.

II.

Узнавъ о великихъ перемѣнахъ, кои занимали весь городъ, въ недоумѣнiи что мнѣ дѣлать, я пошелъ отыскивать архивскаго своего знакома, князя Козловскаго, служившаго въ канцелярiи князя Куракина. Имѣя весьма скудное состоянiе, онъ на его иждивенiи жилъ въ самомъ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома. Къ удивленiю моему нашелъ я его въ десятомъ часу по утру на постелѣ, хотя здороваго; онъ дружески протянулъ мнѣ руку, но воскликнулъ: какъ ты здѣсь? зачѣмъ ты прiѣхалъ? Я сказалъ ему причину и прiѣзда моего, и посвѣщенiя, сказалъ, что пришелъ къ нему развѣдать о всемъ пообстоятельнѣе и требовать его добрыхъ совѣтовъ. Онъ заговорилъ со мною непонятнымъ для меня тогда языкомъ петербургскихъ гостиныхъ, я увидѣлъ, что онъ попалъ въ большой свѣтъ, имѣ только и бредить, и внѣ его все кажется ему ничтожнымъ. Легкомысленный толстякъ очень равнодушно говорилъ о перемѣнѣ послѣдовавшей съ его начальникомъ, какъ-будто она не должна была имѣть никакого влiянiя на его участь; онъ оставался въ томъ же кругу, не переставалъ ѣздить въ тѣ же общества. Изъ вздора, который онъ мнѣ наговорилъ, могъ я заключить только одно, что зная мой нравъ, мои привычки, судя по моимъ манерамъ, онъ предсказывалъ мнѣ, что никогда не буду блистать въ петербургскомъ свѣтѣ, и что лучше было бы оставаться въ Москвѣ. Дѣло шло совѣтъ не о томъ, и я вышелъ отъ него очень не доволенъ. По крайней мѣрѣ взялся онъ предупредить обо мнѣ Куракина и сказалъ время, въ которое онъ принимаетъ. Все это было совершенно не нужно, но почему мнѣ было это знать?

Бывшiй вице-канцлеръ принялъ меня по обыкновенiю своему чрезвычайно ласково, разспросилъ о родителяхъ, о службѣ

ни слова, и пригласилъ на другой день на вечеръ. Дѣйстви- тельно, вотъ все, что онъ могъ для меня сдѣлать, а я по не- вѣдѣнію моему полагалъ, что найду случай просить его о ре- комендаціи, чего при всѣхъ сдѣлать не осмѣлился. Въмѣсто того очутился я въ ярко освѣщенныхъ гостиныхъ, наполнен- ныхъ мушкетерами и дамами самаго высшего круга, мнѣ вовсе не- знакомыми: князь сидѣлъ за бостономъ и назвалъ меня тѣмъ, кои близко его находились. Козловскій подошелъ ко мнѣ съ видомъ половину-дружескимъ, половину-покровительствен- нымъ, поговорилъ немного и пожалъ руку, какъ будто поздрав- ляя съ первымъ успѣхомъ, который можетъ-быть, онъ же и приготовилъ. Мнѣ отъ того было нелегче, я прижался въ уголь. . . . . Тѣ, кои отъ самолюбія застѣнчивы, поймутъ, какъ мучителенъ для меня былъ этотъ вечеръ. Черезъ нѣсколько дней князь Куракинъ уѣхалъ въ Москву.

Итакъ мнѣ ничего не оставалось какъ потащиться въ коллегію и представиться оберъ-секретарю ея, Ильѣ Карло- вичу Вестману, человѣку очень пріятному, совсѣмъ не похо- жому на Бантыша и Малиновскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что по возможности будутъ занимать меня и пригласилъ, а не приказалъ, явиться въ коллегію въ такой-то день, въ кото- рый она осчастливлена будетъ посѣщеніемъ канцлера графа Воронцова, товарища его и другихъ ея членовъ: сіи послѣд- ніе, исключая столь важныхъ случаевъ, не знали какъ отво- ряются въ нее двери.

Въ это утро, обыкновенно почти пустыя, чертоги колле- гіи наполнились чиновниками. Можно было ужаснуться со- бравшагося полчища. Прежніе барьеры при Александрѣ были сняты, число опредѣляемыхъ безъ жалованья ничѣмъ не было ограничено, мода влекла къ сему роду службы, и добрый князь Куракинъ не любилъ никому отказывать. Исключая дежурства, весь этотъ народъ не зналъ никакой другой службы; самолюбіе у многихъ ограничивалось жела- ніемъ схватить даромъ чина два, три. Тутъ въ одинъ разъ увидѣлъ я всю праздную петербургскую молодежь; тутъ же съ удовольствіемъ встрѣтилъ я и возобновилъ знакомство съ архивскими товарищами, Колычевымъ и Ефимовичемъ въ первые дни пребыванія въ столицѣ, всякую знакомую встрѣчу можно почитать находкой.

Я слѣдовалъ общему примѣру, бывалъ какъ можно рѣже въ коллегіи, гдѣ мнѣ нечего было дѣлать и не съ кѣмъ слова молвить. Не имѣя штабъ-офицерскаго чина, я не былъ въ числѣ дежурныхъ, а только дневальныхъ, и въ этомъ званіи долженъ былъ чрезъ каждыя двѣ, три недѣли почевать въ коллегіи, во ожиданіи будто бы курьеровъ изъ-за границы, которые пріѣзжали прямо въ канцелярію министра. Къ концу октября пришла графу Воронцову счастливая идея: онъ велѣлъ раздѣлить между молодыми чиновниками, показывающими нѣкоторую способность, дѣла Петербургскаго архива, и подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Топоркова, дипломата стариннаго покроя, заставить ихъ дѣлать выписки, чтобы по нимъ судить о знаніи и талантахъ каждаго. Мнѣ достались на долю сношенія Россіи съ Венеціанскою республикой. Труда своего я не успѣлъ окончить, ибо скоро потомъ оставилъ коллегію, и потому не знаю, какъ бы онъ былъ принятъ, но теперь смѣло могу ручаться, что онъ никуда не годился.

Сколь ни молодъ я былъ, но въ первую зиму пребыванія моего въ Петербургѣ могъ я увидѣть, что въ немъ только двѣ дороги—общество и служба, выводятъ молодыхъ людей изъ безвѣстности, въ коей погрязаютъ изъ нихъ девять десятыхъ. Самые успѣхи въ русской литературѣ, коею такъ мало тогда занимались, если они не были чрезвычайные, не могли спасти отъ забвенія.

Высокое общество не совсемъ похоже было на нынѣшнее. Оно было не столько еще снимокъ съ прежняго парижскаго, сколько копія съ вѣнскаго. Тамъ венгерскіе магнаты, на собственномъ содержаніи имѣющіе войска, тамъ нѣмецкіе князья, изъ коихъ многіе пользуются правами присвоенными владѣтельнымъ государямъ, имперскіе графы, фамиліи коихъ обладаютъ нѣсколькими майоратами, польскіе, богемскіе и италіянскіе роды, соединяющіе древность происхожденія съ огромными богатствами. Изъ нихъ составилаь плотная масса, совершенно отдѣленная отъ другихъ сословій, заимствующая часть блеска своего отъ императора и его двора, но самостоятельная. Казалось, подражаніе тутъ дѣло невозможное, однакоже оно отчасти удалось: мы гдѣ что подмѣтимъ, то хотя на время, а уже вѣрно искусно переймемъ.

Богатыя фортуны не были еще раздѣлены между потом-